

*Наталья Леонидовна ГАЛЕЕВА —
профессор кафедры теории языка
и межкультурной коммуникации Тверского
государственного университета,
доктор филологических наук*

УДК 81'33:502

«ТЕКСТОВАЯ РЕШЕТКА» КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

АННОТАЦИЯ. Существенным для понимания переводческой деятельности является сопоставление текстовых решеток культур, вступающих в переводческий контакт, где определяется соответствующее место каждого переведенного текста в его соотнесенности с другими текстами, составляющими данную культуру.

Translation activity could be explained through the comparative study of the textual grids of the contacting cultures where a relative place of each translated text is found in its relation with other texts comprising the culture in question

Для понимания сущности переводческой деятельности необходимо ввести и обсудить понятие «культурный локус» или «место текста в культуре», что позволит по-иному взглянуть на понятия эквивалентности и адекватности перевода, вернее выяснить их необходимость и инструментальность в объяснении феномена переводческой деятельности.

Перевод послужил важным фактором формирования национальных культур, поставляя в них идеи, тексты, сюжеты, мотивы. Однако после того как национальные культуры были в целом сформированы, они продолжали развиваться достаточно автономно, имея собственный состав текстов, являющихся основой формирования личности в культуре. Это формирование происходит в каждой национальной культуре посредством организации народного образования. Состав текстов, отбираемых культурой в качестве обязательных для формирования личности в данной культуре, коренным образом отличается в разных культурах, хотя все они в целом антропоцентричны, что, собственно, и определяет возможность понимания между людьми, воспитанными на разных текстах в разных культурах.

Это важное культурное (и переводческое) обстоятельство можно объяснить, используя метафору «текстовой решетки» (textual grid) А. Лефевра и С. Басснетт [1; 5]. Каждая культура использует определенный состав текстов, являющихся для нее базовыми, определяющих систему ценностей, концептов, в целом задающих способы мышления. Авторы справедливо пишут, что текстовые решетки Восточных культур уникальны и радикально отличаются от текстовой решетки Западной культуры. При этом они отмечают, что французская, немецкая, английская культуры используют одну и ту же текстовую решетку (the same textual grid), которую они унаследовали от греко-римской античности. Отчасти это справедливо, по крайней мере до того периода, пока античность не перестала быть непререкаемым культурным авторитетом. После этого в каждой культуре были созданы и собственные тексты, которые являются для культуры уникальными и культуурообразующими. Тот факт, что многие из этих текстов создавались методом культурной традукции из разных источников, не отменяет того обстоятельства, что в силу разных причин тексты-аналоги и собственные тексты занимают различные места в соответствующих текстовых решетках национальных культур.

Таким образом, если сопоставить некоторые фрагменты текстовой решетки русской и английской культур, можно отметить, что тексты Библии, тексты

античности и другие общеевропейские тексты культуры занимают там примерно одинаковое место (культурный локус). Что касается собственных позднейших текстов культуры, они, собственно, образуют текстовую решетку данной культуры, причем состав текстов этой решетки в разных культурах, состав авторов сильно отличаются от культуры к культуре.

Например, базисные тексты русской культуры — тексты А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. С. Булгакова — занимают позиции ближе к воображаемой оси решетки. В английской культуре позиция ближе к центру занята собственным составом авторов и текстов национальной культуры. «Чужие» тексты могут занимать там определенное место, тем не менее состав текстов культуры своеобразен и редко совпадает с составом культурозначимых текстов в другой культуре. Кроме того, этот состав модифицируется принятым данной культурой составом «чужих» текстов, поскольку он в разных культурах никогда не совпадает, несмотря на наличие классических авторов и текстов.

Таким образом, каждая культура формируется, помимо других обстоятельств, определенным составом текстов культуры, понимаемых как семиотически (музыка, театр, пластические искусства, живопись), так и филологически (собственно вербальные тексты культуры). При этом семиотическая часть текстов культуры распространяется преимущественно беспереводно; перевод необходим там при комментировании, передаче либретто, критическом анализе и т. п. Вербальные тексты культуры распространяются посредством перевода, становясь при этом фактом принимающей культуры, иногда даже независимо от качества перевода. Под фактом культуры понимается при этом не значимость переведенного текста для принимающей культуры, а факт наличия в ней переведенного текста, заменяющего собой для данной культуры оригинал. При этом переводные тексты причудливым образом сочетаются с собственными текстами культуры, состав переводных текстов варьируется от культуры к культуре, поэтому текстовые решетки культур всегда уникальны не только за счет состава текстов, но и за счет того, что одни и те же тексты занимают в них разные по значимости места.

Проиллюстрируем идею текстовой решетки, продемонстрировав, как нам представляются относительные позиции некоторых классических текстов (а в силу экономии — места авторов) в английской и русской культурах. Сразу оговоримся, что эта иллюстрация в значительной мере условна и лишь демонстрирует саму идею текстовой решетки культур.

В нашей интерпретации наибольшую значимость для культуры представляют тексты, расположенные ближе к центральной оси решетки. Некоторое значение имеет и вертикальное расположение текстов — более значимы те, которые располагаются выше. Субъективность расположения текстов внутри воображаемой текстовой решетки (как и сама решетка) нам очевидна, тем не менее мы предполагаем не столько опираться на лингвистический эксперимент с недоуменными, незаинтересованными и ироничными информантами, принятый, к примеру, в психолингвистике, сколько, вслед за Э. Гуссерлем, на субъективность заинтересованного исследователя, тем более что точность расположения текстов внутри решетки не имеет принципиального значения. Принципиально лишь то, что место оригинала и перевода в соответствующих решетках практически никогда не совпадает независимо от качества перевода, поскольку они окружены иным текстовым контекстом и иными культурными обстоятельствами. Иногда, благодаря удачному переводу, переводной текст занимает более предпочтительное место в текстовой решетке культуры, чем текст оригинала, хотя такие случаи и нечасты. Рассмотрим позиции некоторых авторов в сопос-

тавительной текстовой решетке английской и русской культур, имея в виду ее иллюстративный характер и то обстоятельство, что эта, в целом плодотворная, переводческая идея нуждается в конкретизации и дальнейшей разработке.

АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА *Ось* РУССКАЯ КУЛЬТУРА

→↓			Bible	Библия			
			Classical texts	Классические античные тексты			
	Pushkin	Austin	Shakespeare	Пушкин	Байрон	Шелли	
Lermontov			Wordsworth	Лермонтов	Некрасов		Водсворт
			Blake	Достоевский			Блейк
		Eliot	Byron	Чехов	Диккенс		
		Tolstoy	Shelly	Толстой			
			Dickens	Булгаков	Набоков		
Boulgakov	Nabokov		Chekhov	Шекспир			Элиот
Nekrasov		Burns	Dostoevsky	Бернс			

Во-первых, состав текстов для каждой национальной европейской культуры формируется текстами, составляющими общекультурный капитал, а в дальнейшем преимущественно текстами на национальных языках, которые, собственно, и формируют национальную культуру. Переводные тексты других культур по определению занимают места, более удаленные от центральной оси, чем собственные тексты культуры, значимые для нее и образующие данную культуру.

Несомненно, имеются отдельные исключения, поскольку есть авторы и тексты, которые занимают в принимающей культуре места, достаточно близкие тем, которые они занимают в исходной культуре. Мы выделили авторов, занимающих приблизительно аналогичное место в данных культурах, жирным шрифтом. Например, таково место В. Шекспира в русской культуре, о чем свидетельствует количество переводов. Следует отметить то обстоятельство, что количество переводов является непосредственным индикатором того, что текст интересен данной культуре и значим для нее. Общая совокупность переводов является неким метатекстом, наиболее полно представляющим данный текст в принимающей культуре. В этом отношении определенное значение имеет идея филологического (компилятивного) перевода В. Я. Задорновой [2].

В некоторых случаях ситуация с переводом отдельных текстов доходит до абсурда, когда появляются переводы-пародии (известная пародия А. Воскресенского на «Ворона» Э. По). В некоторых случаях реальная необходимость в оригинале отпадает. Так, сонеты Шекспира уже можно переводить и без обращения к оригинальному тексту, основываясь лишь на многочисленных версиях переводов и создавая некий «третий» текст.

Причины, по которым чужому автору удается занять значительное место в принимающей культуре, не всегда объяснимы и определяются не только художественными достоинствами текста, поскольку многие значительные авторы и тексты одной культуры занимают незначительное место в чужой культуре. Малообъясним, к примеру, феномен малой известности классических текстов поэтов «Озерной школы» в русской культуре и малое количество их переводов, хотя эти тексты занимают значимое место в английской культуре. Эти причины определяются рядом обстоятельств, иногда их стечением, иногда действительно хорошей работой переводчика, политикой книгоиздателей, государственной политикой, модой, интересом переводчика и т. п. Из воспоминаний переводчика С. Хоружего известен тот факт, что В. Хинкис начал работу над переводом «Улисса» исключительно из любви к тексту и без надежды, что он когда-либо будет опубликован, работая «в стол». Очевидно, «Озерной школе» не так повезло с переводчиками, как «Улиссу» и совсем не так, как Р. Бернсу, который в России, благодаря, главным образом, С. Маршаку, более других известен как английский (реже шотландский) национальный поэт. Отдавая должное Р. Бернсу, отметим, что в

английской поэзии имеются гораздо более художественно яркие поэты, которые, однако, не заняли достаточного места в русской текстовой решетке.

Однако тот факт, что значительные тексты культуры, как правило, имеют множество переводов, доказывает, что место текста в принимающей культуре определяется его художественными достоинствами, которые переводчики пытаются воспроизвести во всей полноте, соревнуясь между собой. Можно предположить, что место текста в текстовой решетке принимающей культуры находится в прямой зависимости от количества переводов, которые «пробивают» и «отвоевывают» его у собственных текстов данной культуры. Текст, переведенный многократно, имеет больше шансов на значимое место в культуре, чем текст, который был переведен всего раз, хотя и здесь имеются многочисленные исключения, зависящие, прежде всего, от объема текста.

Короткие поэтические тексты, как правило, имеют много переводов, а длинные прозаические — далеко не всегда, тем более что и сравнивать качество переводов в этом случае труднее. Естественно, прекрасный перевод «Улисса» Дж. Джойса, выполненный В. Хинкисом и С. Хоружим, занял место в русской культуре, однако намного позже, чем в оригинальной, что вообще многое определило в движении текстов двух культур. Тем не менее, текст Джойса, как бы прекрасно он ни был переведен, не может претендовать на аналогичное место в русской культуре, поскольку он был в свое время текстом-«взрывом» викторианской Англии. В России в этой функции он опоздал и вообще не актуален. Он остается прекрасным эстетически, однако большая часть социокультурных смыслов, прекрасно опредмеченная средствами формы, может быть представлена только в комментариях и не переживается реципиентами иной культуры.

Стоит сказать, что место текста в текстовой решетке культуры не является строго фиксированным и подвержено значительным изменениям. Факторами, которые определяют это движение, являются время, естественный процесс вытеснения на периферию одних текстов другими (хотелось бы верить, что всегда вытесняются только менее художественно значимые тексты), смена текстовых традиций и т. п. Такое движение происходит, и значимо, и в текстовой решетке одной культуры: движение текстов, их замена, возвращение происходит всегда, и это хорошо отражают полки общедоступных библиотек, которые ограничены объемом. Вообще любая достаточно представительная библиотека может дать хороший материал для изучения текстовой решетки данной культуры и своеобразного «культурного среза».

Стоит считаться с тем обстоятельством, что тексты, заложившие основу всех европейских культур, — тексты античности на самом деле являются «мертвыми» текстами, поскольку известны и читаются даже далеко не всеми филологами (смена филологических приоритетов лингвистическими еще более усугубила эту ситуацию); в оригинале — на латинском и древнегреческом они вообще доступны единицам, а то, что проходят на филологических факультетах университетов, является, как показал А. Лефевр [3], не более чем «переписыванием» (*rewriting*). Тем не менее нет оснований отказывать этим текстам в их законном месте базовых текстов европейской культуры, поскольку в виде множественных превращений и переписываний, пусть даже и не усматриваемых реципиентами, они определили дальнейшее развитие национальных культур.

Локусы текстов внутри национальных культур подвижны, хотя любая культура через систему образования, критики, библиотек и других институтов определила состав текстов, имеющих устойчивые и постоянные места в данной культуре. Таковы места большинства авторов, которые представлены в сопоставительной решетке английской и русской культур. Естественно, каждая культура, за редким исключением тех, которые не создали большого количества культурно-разнозначимых текстов (а такие культуры имеются в европейской традиции), отво-

дит наиболее важные, культуuroобразующие места «своим» авторам. Важное следствие этого обстоятельства для перевода заключается в том, что *самый блестящий перевод не обеспечивает тексту аналогичного места в текстовой решетке принимающей культуры*. Оно уже, как правило, занято «своим» текстом! Поэтому, рассуждая об адекватности перевода оригиналу, всегда стоит иметь в виду это социокультурное обстоятельство — перевод всегда встраивается в иную текстовую решетку и встраивается по-иному, в ином текстовом окружении и контексте, поэтому независимо от качества и меры воспроизведения *художественности* перевод всегда будет другим текстом, функционирующим, однако, вместо оригинала в принимающей культуре.

Объяснить то обстоятельство, что равные по значимости классики одной культуры занимают не равные по значимости места в принимающей культуре, достаточно нелегко. Качество перевода, возможно, играет при этом далеко не определяющую роль. Если вдруг появится блестящий, самый адекватный перевод «Евгения Онегина», у него все равно уже будет немного шансов занять место определяющего шедевра английской литературы, поскольку все доступные места уже заняты другими текстами. Здесь имеет значение и временной фактор, и то обстоятельство, что «Евгений Онегин» все-таки был написан не без влияния Байрона, который первичен для английской литературы, а «Онегин» и, соответственно, Пушкин — вторичен.

С другой стороны, А. П. Чехов оказался абсолютно встроенным в текстовую решетку англоязычной культуры, и этот феномен тоже нуждается в отдельном изучении. Частью факторов, которые обусловили это обстоятельство, могут оказаться, во-первых, жанровые предпочтения автора — он писал драмы и короткие рассказы, чрезвычайно распространенные в англоязычной культуре. С другой стороны, анализ текстов Чехова показывает, что они писались как будто для перевода, а средства текста таковы, что добросовестный переводчик, не пытающийся «улучшить» автора способен их воспроизвести, т. е. средства «самовоспроизводимы». И этот текстовый феномен нуждается в особом освещении в переводоведении: бывают тексты более и менее подлежащие переводу.

Место каждого текстового феномена в межкультурном пространстве нуждается в особом объяснении и обосновании, и лингвистическая теория перевода здесь может использоваться лишь *наряду* с социокультурными факторами. Именно в силу вышеописанных обстоятельств идея о равенстве эффекта, об эквивалентном воздействии представляется не более чем красивой метафорой.

Оговоримся, что речь не идет о большинстве текстов, функционирующих в культуре — научных, технических, публицистических, СМИ и т. п. Они функционируют в культуре, именно они составляют подавляющую массу текстов, подлежащих переводу, но они не являются частью культуры, если культуру понимать в узком значении как хранилище значимых текстов, образующих духовное пространство. После выполнения своей информирующей утилитарной функции эти тексты выходят из функционирования в культуре, подобно многим текстам из текстовой решетки национальных культур, вытесняемых на периферию. Здесь применение лингвистической теории перевода с ее понятийным и практическим инструментарием вполне уместно и эффективно.

Таким образом, текстовая решетка культуры является хоть и виртуальным, но вполне реальным обстоятельством, с которым следует считаться переводчику, думающему об эквивалентности и адекватности перевода. Вопрос при этом заключается не в том, как обеспечить тексту перевода эквивалентное место в принимающей культуре, а в том, что есть в исходном тексте, что может «раздвинуть» текстовую решетку принимающей культуры, чтобы текст перевода смог занять там максимально значимое место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lefevere A. Bassnett S. Introduction. Where are we in Translation Studies // Bassnett S, Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon etc.: Cromwell Press, 1998. P. 1-11.
2. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М.: МГУ, 1984.
3. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. L.; N. Y.: Routledge, 1992.

Наталья Николаевна БЕЛОЗЕРОВА —
зав. кафедрой английского языка,
доктор филологических наук, профессор,

УДК 81'27 (075. 8)

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. В этой статье на основе анализа элемента естественного дискурса и сетевых глоссариев обосновывается необходимость введения в научный оборот понятийной модифицирующей категории «интерэкзистенциальности».

Starting from the analysis of an element of natural discourse and several «on-line» glossaries the author introduces the category of «interexistenciality» that is both conceptual and modifying.

Дайте мне, пожалуйста, сосиску в тексте.
Из обращения студентки ФРГФ к буфетчице

Что произошло со студенткой в тот момент, когда она попросила в буфете *сосиску в тексте*. Почему эта фраза не вызвала непонимание продавца, а лишь смех? Почему эта фраза вызывает смех? В плане выражения между лексемами *в тексте* и *в тесте* имеется только одно различие (один дифференциальный признак) — фонема к (графема к на письме), перед фонемами *с* и *т* (графемами *с* и *т*). В плане содержания только при усиленном поиске аналогий можно найти интегральные признаки (например, связность целого, состоящего из множества элементов или ингредиентов). По-видимому, студентка, покинув аудиторию, на подсознательном уровне не вышла из дейксиса ситуации занятия по филологическому анализу текста, а, подойдя к буфету, лишь частично включилась в дейксис ситуации приобретения *сосиски в тесте* для утоления голода. Иными словами, при смене мотива поведения (мотива приобретения знаний на мотив приобретения изделия из теста для утоления голода) не произошло полной смены социальной роли *студентки 3-го или 4 курса, анализирующей на занятии текст* на социальную роль *студентки — покупательницы кулинарного изделия*. Поэтому и произошло включение элемента чужеродного метаязыка филологического анализа (в тексте), созвучного элементу метаязыка купли-продажи продуктов в студенческом буфете (в тесте). Созвучие обеспечило функцию усвоения просьбы адресатом (буфетчицей), поскольку студентка получила требуемое изделие, и одновременно вызвало комический эффект, поскольку создало целый ряд новых смыслов и ассоциаций.

При попытке объяснить эту оговорку возникает целый ряд вопросов, затрагивающих, в свою очередь, целый ряд областей, не связанных с каламбурами, основанными на созвучиях. Сформулируем эти вопросы: